

Внелитературная лексика в языке современной печати

Разговор о [внелитературной лексике](#), находящейся на периферии языковой системы, можно было бы не начинать, если бы этот разговор касался только узких специалистов, но современная языковая ситуация такова, что просторечная (в том числе грубая) и жаргонная лексика вышла из ограниченной сферы употребления и активно вливается в язык современной массовой печати, звучит на телевидении и по радио.

Примерно с конца 80-х годов в русской речевой коммуникации резко увеличилась доля речи публичной. Кроме того, в силу известных политических, культурно-идеологических причин, порожденных распадом тоталитарной государственной системы, в книжную письменную речь - не спонтанную, совершающуюся в официальных рамках, - врываются речевые явления, прежде принадлежавшие исключительно устной форме функционирования языка. Это:

- городское просторечие,
- уголовно-лагерный жаргон
- и даже инвективная речь (от позднелат. *investiva oratio* - бранная речь).

Эти процессы **детабуизации** инвективной (обценной) лексики, наблюдаемые в последнее время в печати, в электронных СМИ, в конечном счете обусловлены эпохой гласности, снятием запрета на обсуждение интимной жизни популярных людей, на публикации эротического содержания. В связи с этим возрастает актуальность проблемы для всего общества в целом и, в частности, для «ревнителей» чистоты русской речи.

Большая часть таких слов несет в себе **осуждающую экспрессию** и потому адресатом может быть воспринята как оскорбление. А это влечет за собой осложнение языковых проблем проблемами правовыми. Слова типа *бандит, жулик, двурушник*, будучи персонифицированы, выводят ситуацию на юридический уровень. Бранными могут стать и вполне литературные слова (*кобель, кобыла, свинья, сука* и др.), если они являются [зоосемантическими метафорами](#).

Таким образом, термин «**ненормативная**» лексика часто оказывается некорректным, так как ненормативной оказывается не столько слово как таковое, сколько ситуация, в которой оно произносится.

Другое дело - **запретная (обценная) лексика**, проще говоря, **мат**. Снижение порога допустимости в письменных и устных текстах не снимает с этих словоупотреблений характера непристойности и крайней грубости. В данном случае можно уже говорить о нарушении норм общественной морали.

Надо сказать, что в последнее время наблюдается общая **тенденция к огрублению речи**, отчасти это следствие ее раскрепощенности и реакция на негативные явления жизни.

Огрубление письменной и устной речи за счет **жаргонной и арготической лексики**, грубой и циничной по существу, обнаруживается сегодня не только среди средств массовой информации. Этим грешат и чиновники, облеченные высокой властью. Поэтому известную детабуизацию обценной и вообще грубой лексики следует рассматривать в контексте общей тенденции времени к стилистическому снижению

речи в целом и заметной утрате практическим языком возвышенно-эстетических качеств.

Можно отметить и такую деталь. **Обценная лексика** функционально очень богата. Это не только средство оскорбления, но и сигнал окружающим, что говорящий «свой человек». Не будучи конкретно адресной, она выполняет функции сильного экспрессивного средства, может служить средством разрядки психологического напряжения, может заполнять речевые паузы в качестве междометных слов, но в любом случае обусловлена низкой культурой говорящего, хотя может быть и своеобразной бравадой достаточно образованного индивида. Хуже всего по своим последствиям то, что такая речь распространена в детском школьном коллективе. Такую речевую практику не вытравить никаким уровнем образования.

Внелитературная сфера русского языка, где сосредоточена грубая, натуралистическая и циничная лексика, в последнее время заметно отодвигает или даже **размывает границы образцовой литературной речи**, а это бросает тень на весь русский язык, богатство и гибкость которого неоднократно были подчеркнуты выдающимися стилистами, тонкими ценителями языка. К сожалению, часто русский язык воспринимается через призму русского мата.

Особенностью функционирования литературного языка современности является его **активное взаимодействие с просторечием и различными жаргонами**.

Интенсивность этого взаимодействия определяется выдвиганием новых центров экспансии:

- низовой городской культуры
- молодежной контркультуры
- уголовной субкультуры.

Подобная лексика, проникая на страницы печати, заметно опрощает письменную речь, стилистически снижает ее, снимает многие лексические запреты. Слова типа «*наехать*», «*прикол*», «*кинуть*», «*расколоться*», «*отстегнуть*» в значениях далеко не литературных - это не просто слова, они отражают сущность реально существующих в обществе социальных, экономических и властных отношений. Именно поэтому они стали употребительными (например: *Демократы вот-вот расколотся, не определив свой выбор.* - АиФ, 1999, № 40); *Враг в доме, пахан в суде, растлитель в школе. Нашим парням бреют лбы и отсылают в Сербию воевать за Америку.* - День, 1992, № 43); О словах *беспредел*, *тусовка*, вышедших из жаргонов, и других уже было рассказано в разделе о модных словах эпохи.

Причины перехода **арготической** (жаргонной) лексики в общенародный язык чаще всего внешние (экстралингвистические), хотя могут быть и собственно языковыми (интерлингвистическими).

К **причинам социального плана** [М.А. Грачев](#), лингвист, специально занимающийся сбором арготической лексики для словарей, относит следующие.

Психолого-педагогические причины связаны с восприятием арготизмов молодыми людьми. Это своего рода мода на блатные слова, языковой нигилизм; желание отгородиться от мира взрослых. Кроме того, школа мало внимания уделяет эстетической значимости языка, не формирует неприятия слов-сорняков.

Социально-политические причины просматриваются в периоды войн, мятежей, революций. В наше время это перестройка. В такие периоды обычно усиливается уголовный элемент, влияние его морали, увеличивается количество преступлений.

В течение XX в. русский язык трижды испытал нашествие арготизмов:

- в 10-20-е годы (1-я мировая, гражданская война, две революции, результат - беспризорность);
- в 40-50-х годах (Отечественная война, потом - крупная амнистия);
- в конце 80-х и 90-х годах (перестройка, развал СССР, амнистия).

Росту преступности и беспризорности способствует и урбанизация. Вокзалы, рынки, пивные - это криминогенные городские места. Отсюда арготизмы распространяются среди законопослушного населения.

Профессиональная преступность всегда присуща городам, особенно крупным мегаполисам. Причины криминогенные и юридические усматриваются в результате централизации исправительно-трудовых учреждений, где объединяются профессиональные преступники, обмениваясь своими групповыми арготизмами. Но в истории России известен огромный период, когда в тюрьмах и лагерях отбывали наказание не только профессионалы-правонарушители, но и законопослушные, невинные люди (**20-50-е годы, ГУЛАГ**). Они тоже приобщались к этому языку; это интеллигенты - инженеры, партработники, военные, артисты, писатели, врачи, поэты. Находясь в заключении, писатели, журналисты накапливали соответствующий лексический материал, который позже включали в свои произведения. Кстати, «вынос» слова «беспредел» в общенародный обиход связывают с именем А.И. Солженицына. Так что репрессии способствовали вливанию арготизмов в речевой оборот всего населения.

В последние годы действуют еще и **причины культурно-просветительного характера**. Нелитературную лексику в буквальном смысле слова популяризируют журналисты, теле- и радиокomentаторы, актеры, политики. Получается необычная картина: арготизмы не поднимаются с низов, а спускаются сверху, находя, так сказать, живой отклик в народе.

Совокупности лексических единиц, ранее отличавшихся крайне узкой сферой распространения, обычно характеризовались как **жаргон, арг, сленг**.

При определении этих понятий словари отмечают в какой-то мере условность этих «языков», созданных с целью языкового обособления. Особенностью же современного употребления элементов такого «обособленного» языка оказалась их широкая распространенность, общедоступность этой «тайнописи».

Выход подобных слов на общелитературную арену переводит их в разряд сниженной (часто грубой) просторечной лексики. Причем граница между собственно просторечием и жаргоном (или арг) бывает трудноуловимой. Став общеупотребительными, эти слова сохраняют эмоционально-оценочный характер, хотя «знак» оценки может измениться (ср.: первоначально среди артистов *халтура* - приработок; затем - плохая, некачественная работа).

Да и сама дифференциация лексики, относящейся к жаргону, аргю и сленгу, имеет размытые границы, часто пересекающиеся. Видимо, поэтому не дифференцированы и сами термины, часто значение одного термина определяется через другой. Ср., например, определения терминов в БЭС (1991) и в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998).

БЭС. **Жаргон** (фр. jargon) - социальная разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией (ср.: аргю). Иногда термин «жаргон» применяется для обозначения искаженной, неправильной речи.

Аргю (фр. aigot) - диалект определенной социальной группы (первоначально - воровской язык), создаваемый с целью языкового обособления. Характеризуется специальной (узкопрофессиональной) или своеобразно освоенной общеупотребительной лексикой.

Сленг (англ. slang): 1) то же, что жаргон, преимущественно в англоязычных странах; 2) вариант разговорной речи (в том числе экспрессивно окрашенные элементы этой речи), не совпадающие с нормой литературного языка.

Довольно широкое понимание термина аргю представлено в исследовании [В.С. Елистратова](#) «Аргю и культура», опубликованном в Словаре данного автора, - «Словарь русского аргю» (М., 2000). Автор рассматривает лингвистическую природу аргю как одного из наименее изученных явлений языка, определяет статус аргю не только в системе языка, но и в культуре народа. Причем аргю, по мнению автора, отражает не застывшую культуру, а культуру в ее динамическом развитии (С. 582). Современное русское аргю В.С. Елистратов анализирует и как систему замкнутую, и, с другой стороны, как систему абсолютно открытую.

В само понятие «аргю» включаются языковые объединения по социально-культурному тематическому принципу:

- уголовно-маргинальное (*мент, малина, ксива*);
- армейское (*дед, дедовщина, дембель*);
- профессионально-корпоративное (*нетленка* - у художников; *шептало* - у переводчиков);
- молодежное
- детское (*стипуха, стипа, жува*).

Причем могут быть аргютизмы, обслуживающие разные [профессиональные](#) сферы, целый ряд аргю. Например, *чайник* (невыгодный посетитель - у официантов; начинающий, плохой водитель - у шоферов; физкультурник-любитель - у спортсменов; графоман - у издателей). Подобные словоупотребления выражают общую смысловую идею - «не свой, не соответствующий необходимым требованиям»).

Современные исследователи явно усилили свое внимание к нелитературным, маргинальным языковым структурам. И это понятно, поскольку аргюлогический материал связан с общими активными процессами в языке. Сформировалась для этого особая социальная психология и культура. Прежде всего это активизация просторечия, расширение сфер его распространения (в художественной литературе, в кино, в теле- и радиопрограммах). Создается особый стиль общения в городской среде

(преимущественно в молодежной, но не только). Аргумент становится частью повседневного городского быта, уклада жизни, который меняется с изменением социально-бытовых условий.

Итак, то, что было обособлено, условно и тайно, становится общеупотребительным, понятным и явным. Интересная деталь: в советское время словарь уголовного жаргона издавался как специальное издание, предназначенное милицейским работникам (должностная необходимость). Теперь подобные словари издаются массовыми тиражами. Пожалуй, есть в этом резон: иные публикации без словаря трудно понять. Хотя многие из слов условных, со «специальными» значениями для нашего современника не требуют «перевода» на общедоступный язык: *травка*, *травка* - наркотик; *гонец* - торговец наркотиками; *колики* - наркотики, вводимые при помощи шприца; *быть в откате* - в состоянии сильного опьянения; *залететь* - заразиться венерической болезнью; *академия*, *дача*, *курорт* - о тюрьме, лагере; *жмурик* - покойник; *тундра*, *тайга* - о глупом человеке; *сесть на иглу* - получить наркотическую зависимость и т.п.

Все эти слова и выражения созданы для вуалирования сущности обозначаемых понятий и явлений, иногда с элементами словесной игры, по сути это эвфемизмы. Они стали известными любому современнику благодаря широкой распространенности в печати. А новейшие обозначения психической ненормальности (*шизик*, *он с приветом*, *у него крыша поехала*) современниками расцениваются как прямые наименования.

Надо признать, что лексически арго (жаргон) чрезвычайно «богат». В этой подсистеме языка, как выразился В.С. Елистратов, «значительно меньше значений и значительно больше слов». Можно встретить десятки, сотни и даже тысячи наименований одного и того же. Понятно - **этот язык весьма ограничен, но словесно - безграничен**. Например, для наименования «денег» в «Толковом словаре уголовных жаргонов» (под ред. Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова. - М., 1991) приведено около 30 слов: *алтушки*, *драхмы*, *башни*, *бабки*, *барыши*, *белки*, *боны*, *гульдены*, *гроши*, *дубы*, *жабы*, *звоны*, *колы*, *лавы*, *лавешки*, *пиастры*, *рыжики*, *саман*, *сармаг*, *тити-мити*, *фанера*, *филки*, *фишки*, *хрусты*, *чабар*, *чистоган*, *шайбы*, *шайбочки*.

Ярко представлен и словесный образ: *кофемолить* (болтать), *брить кактус* (лысый), *застегнуться* (зашить ампулу против алкоголизма); и перенос значений: аналогия цвета (*шоколадка* - негр), аналогия звука (*шуршать* - говорить), аналогия формы (*пузырь* - бутылка) и т.п. Однако основ языка, его грамматики арготические элементы не затрагивают: тот же фонемный состав, те же синтаксические конструкции, в которые вписываются данные лексемы.

Представленные здесь процессы в современной лексике иллюстрируют активную роль социальных факторов - и в области семантики, и в стилистических сдвигах во многих группах слов, и в активизации иноязычных заимствований.

Современная лексика русского языка, представленная в языке печати, отражает не только время становления новой экономики, политики, государственного устройства - попытки России встать на путь европейского развития, но и процессы, связанные с переоценкой многих лексических пластов в их отношении к литературной норме.

Перемены, которые произошли в лексике за последние 12 - 15 лет XX в., уже послужили материалом для **лексикографических работ**. В частности, появился **«Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения»** (СПб., 2000; гл. редактор Г.Н. Складывшая). Словарь представляет собой попытку создания модели лексикографического описания языковой динамики, он отражает многие сферы современной жизни, представленные в лексике новой эпохи: политико-социальное устройство и идеология (*авторитаризм, десоветизация, тоталитарный*), новые экономические отношения (*бартер, рыночник, безвалютный, бизнесцентр*), сфера охранительной и репрессивной деятельности (*кагэбешник, ОМОН, гулагизированный, отказник, коррупция, мафия, рэкет*), мир православия и других верований (*всенощная, таинство, освящение; кармический, йога, чакра, буддийский и буддистский*), область паранормальных явлений (*полтергейст, НЛО, телекинез, астральное поле*), явления массовой культуры (*андеграунд, рок-клуб, дискотека, диск-жокей*), область медицины (*антиспидовский и антиспидовый, СПИД, мануальный, хоспис*), быта (*киви, гамбургер, слаксы, адидасы*), техника, автоматизация (*факс, компьютер, Интернет*) и т.д.

Языковая (словарная) динамика в Словаре представлена в специфических, хронологического типа пометах:

- 1) зафиксировано впервые (силовик, разбольшевизация, совок, неформалы, развлекауха, демороссы, рокеры, сексотка, деструкция);
- 2) зафиксировано в словарях последнего десятилетия (накрутка, конвертировать, социум, конверсия, индексация, эксклюзивный, интердевочка, люмпен-интеллигент, триллер, фанат, элита, радиоэкология);
- 3) возвращение старых слов в актив (обитель, купец, продюсер, приватизация, мафиози, демпинг, дольщик, целитель, миропомазание, россияне);
- 4) актуализация слов (прибыль, гарантия, депозит, наличные, паблисити, обнищание, прессинг, эротика, рокмузыка, рулетка, китч (и кич), ксерокопия, митинговщина, экстремизм);
- 5) уход слов в пассив языка (комсорг, комсомольско-молодежный, политинформатор, политбюро, полит-день, сверхплановый, соцсоревнование, юннат).

Все это лексика разная - и тематически, и стилистически. Хронологические пометы при каждом помещенном в Словаре слове дают возможность ощутить движение в лексическом составе языка.

Языковые изменения в конце XX в., «на переломе» общественной жизни, были активно восприняты языковым сознанием представителей российского общества: уход в пассив пластов лексики эпохи социализма; новая жизнь слов, обозначающих актуальные понятия нашего времени; вторжение жаргонов в общелитературный язык; поток заимствований, наводнивший не только язык науки и техники, но и повседневного быта и официальную публичную речь; семантические и стилистические смещения и перераспределение. Все это создает яркую и пеструю, но вполне закономерную и объяснимую картину жизни языка - картину динамичную, с интенсивно протекающими процессами. Эти процессы не успевают фиксироваться словарями. И потому понятия «нормативное / ненормативное» часто воспринимаются нерасчлененно, и процент стихийности и субъективности в оценке и переоценке словоупотребления достаточно высок. Это чрезвычайно затрудняет нормализаторскую деятельность. Особенно активными распространителями «нового слова» оказываются средства массовой

информации, влияние которых в настоящее время не ограничено никакими рамками. Но, как писал М.Ю. Лермонтов, «многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря» («Герой нашего времени»).